

Новая фаза капитализма

В настоящее время не может быть сомнѣній, что эволюція капитализма в сторону связаннаго хозяйства на частнохозяйственной основѣ сопровождается цѣлым рядом структурных измѣненій в социальном-экономическом унастроеніи капиталистических стран, в организаціи труда и в техникѣ. Всѣ авторитетные представители экономической мысли от Зомбарта до націонал-идеократа Фрида посвятили интересныя изслѣдованія проблемѣ структурных измѣненій.¹⁾ Однако понять перерожденіе капитализма нельзя, если не принять во вниманіе ряд других важных экономических явленій, характерных для современной фазы капитализма, как рост промышленнаго этатизма и административнаго протекціонизма; превращеніе финансовой политики государства в конъюнктурную политику *suū generis* и зарожденіе подлинных плановых мѣропріятій. Характер государственнаго хозяйства в цѣлом становится болѣе сложным.

Народное хозяйство капиталистических стран состоит из ряда взаимодействующих секторов. Темп эволюціи капитализма зависит в извѣстной степени от расширения государственнаго сектора, которое, на ряду с расширеніем сектора муниципальнаго и кооперативнаго, не только усложняет внѣдреніе капитализма в докапиталистическій сектор, но и постепенно понижает его удѣльный вѣс в народном хозяйствѣ.

Рост промышленнаго этатизма, ускоряя эволюцію капитализма, однако не гарантирует ея от революціоннаго слома фашистской идеократіей, которая всегда может использовать государственныя предпріятія в качествѣ экономических командных высот политической диктатуры. В связи с этим темп расши-

---

¹⁾ Соображенія о структурных измѣненіях в капитализмѣ см. в моей статьѣ «Германскіе экономисты о судьбѣ капитализма» («Новый Град» № 3).

ренія государственнаго сектора приобѣтает исключительное значеніе в нашу эпоху, отличающуюся ростом коммунистическаго и націонал-идеократическаго движеній. В случаѣ нормальнаго развитія промышленнаго этатизма выход эволюціонирующаго капитализма на правильные пути планированія в видѣ административнаго протекціонизма, государственной конъюнктурной политики, экономическаго парламента и социальнаго-экономическаго баланса принимает органический и спокойный характер.

В настоящее время капитализм еще не врос в связанное хозяйство на частнохозяйственной основѣ, но уже достиг своей болѣе совершенной, связанной фазы, в которой государственное хозяйство получает перевѣс над частнокапиталистической стихіей. Эта частичная репропріація государства — в терминологіи Гольдшейда, — или превращеніе государства, живущаго налогами, в государство — предпринимателя и руководителя, еще не приводит к системѣ государственнаго социализма, так как не стирает границ между хозяйством государственным и народным. В современной фазѣ капитализма промышленный этатизм находит свое выраженіе в развитіи государственных коммерціализованных предпріятій, автономных финансовых управленій и смѣшанных обществ, так что переплетеніе государственнаго и капиталистическаго сектора принимает весьма сложный характер.

В настоящее время всѣ авторитетные экономисты, включая даже такого либерала, как Кейнс, признают небывалый рост государственных предпріятій или холодной социализаціи. Свое особое развитіе промышленный этатизм получил в странах центральной и восточной Европы, гдѣ государство нерѣдко принимает на свое иждивеніе цѣлыя отрасли народнаго хозяйства. Из статистики, предложенной геттингенским экономистом Мичерлихом, мы видим, что в концѣ 1929 года в Германіи имѣлось 496 имперских государственных предпріятій; 1.449 предпріятій, принадлежащих отдѣльным государствам; 12.432 предпріятій общественаго характера, управляемых общинами под фактическим контролем государства; 3.282 предпріятій в руках политических автономных обществ и 4.922 предпріятій

публично-правовых хозяйственных единиц (включая германскія желѣзныя дороги). Сюда слѣдует отнести еще тысячу смѣшанных обществ. Всѣ эти предприятия, составляющія государственный и муниципальный сектор германскаго народнаго хозяйства, дают заработок двум миллионам граждан или 11% всѣх занятых в промышленности лиц. Рассмотрѣніе государственных доходов балтійских государств приводит нас к заключенію, что там фискальныя и промышленныя предприятия государства имѣют большее фискальное значеніе, чѣм прямые налоги. В 1928/29 году, т.-е. перед началом кризиса, доход от государственных предприятий и монополій составлял в Эстоніи 36,2%, в Латвіи 30% и в Литвѣ 29% всѣх государственных доходов. Рост промышленнаго этатизма за послѣдніе 4 года сказался с особенной силой также в Польшѣ, Австріи, Югославіи и Румыніи; в частности в Югославіи доход от государственных монополій и предприятий составляет больше половины государственных доходов. Менѣе значительное развитіе получили государственныя предприятия во Франціи, гдѣ в руках государства имѣются такія крупныя предприятия как: автономная Севрская мануфактура, желѣзныя дороги во вновь присоединенных областях, азотныя фабрики в Тулузѣ, горнозаводская промышленность в Саарской области, производство спичек, табачная монополія и проч. Государственный сектор во Франціи и в Бельгіи, имѣя менѣе значительный вѣс в народном хозяйствѣ, чѣм в Германіи, носит особо сложный характер, так как наталкивается в своем развитіи на синдикализм и причудливо переплетается с кооперативным сектором.

Современное капиталистическое государство, выступая в качествѣ предпринимателя, все рѣже и рѣже организует свои предприятия в формѣ публично-правовых корпорацій, обыкновенно приносящих дефицит. Такое публично-правовое предприятие не выдѣляется из общаго государственнаго бюджета, не ведет частно-хозяйственнаго учета, постоянно дополнительно финансируется государством из налоговых поступлений и примѣняет камералистическую бухгалтерію, т.-е. противопоставляет смѣтныя предположенія и ассигновки дѣйствительным расходам. Принцип хозяйственности находит свое выраженіе

преимущественно в сокращении расходов, допущенных сметой. Служащие назначаются соответственным министерством; генеральный директор предприятия, связанный сметой, сносится через свое министерство с отделением для бюджетного контроля при министерстве финансов и без его согласия не может увеличить расходов на штат служащих. Отсюда возникает бюрократизация публично-правового предприятия; постепенно появляются формализм, хождение по инстанциям, повышение жалования и положения отдельного служащего по возрастному цензу, создание инстанций для переписки внутри предприятия и в большинстве случаев — в частности во Франции — запрещение забастовок и рабочих объединений. Подобная организация единичного хозяйства, работающего на рынок, оказывается весьма нерентабельной и не отвечает принципам рационализации. Отсюда стремление государства дать своим предприятиям какую-либо частно-правовую форму и тем облегчить внедрение государственного сектора в сектор капиталистический. Подобное коммерциализованное предприятие выделяется из общего бюджета, обладает административной и финансовой автономией, стремится к рентабельности и применяет в большинстве случаев двойную бухгалтерию. Во главе такого государственного или коммунального предприятия, облеченного в частно-правовую форму, стоит директор, зависящий от административного комитета, играющего роль совета в акционерной компании, и в конечном итоге — от министерства или городских коллегий, заступающих общее собрание акционеров. Поэтому общественные предприятия организуются преимущественно в форме акционерных компаний, или в виде обществ с ограниченной ответственностью. Недостаточная рентабельность коммерциализованных предприятий нередко заставляет государства объединять их в особых автономных управлениях или кассах — что в частности широко применяется в Румынии.

Развитие промышленного этатизма отчасти объясняется постепенной бюрократизацией частнокапиталистических предприятий, подготавливающей психологически удобную почву для холодной социализации. Эта исключительно важная проблема усердно изучается германскими экономистами и нашла доста-

точное освѣщеніе в трудах Зомбарта, Мичерлиха, Муса, Бонна и Бентэ.¹⁾ Ими установлено, что крупное капиталистическое предпріятіе очинивняется и принимает ряд бюрократических черт, прежде свойственных только публично-правовой корпорации; до извѣстной степени оно элиминирует риск точным анализом рыжка и научным изслѣдованіем конъюнктуры, обезличивает товар и приносит интересы акціонеров в жертву финансовым интересам предпріятія. К этому присоединяются такіе значительные факты, как превращеніе акціонеров из предпринимателей в капиталистов и кажущаяся диктатура наемных руководителей предпріятія, фактически связанных распоряженіями руководителей концернов и синдикатов — иными словами, той административно-хозяйственной надстройкой, которую Мичерлих удачно назвал средним слоем народнохозяйственной пирамиды. При этом лица, руководящія этим слоем, не выдвигаются самой жизнью, а назначаются банками и другими представителями частных групповых интересов в зависимости от связей и возраста, — что представляется Зомбарту, Фриду и Шмаленбаху побѣдой планового начала над капиталистическим духом. Еще сильнѣе принцип очинивнанія сказался в крупных предпріятіях Америки, гдѣ по рѣшенію центрального союза работодателей взрослые служащіе почти не принимаются со стороны, и персонал продвигается по социальной лѣстницѣ труда в зависимости от возрастнаго ценза. Эти структурныя измѣненія в частнокапиталистическом предпріятіи облегчают внѣдреніе государственнаго сектора в сектор капиталистическій и тѣм ускоряют эволюцію капитализма. Одновременно замѣчается и прямое сплетеніе этих секторов. Так в Германіи коммерціализованныя предпріятія проникают в частно-хозяйственныя объединенія, став дѣйствительными членами калийнаго синдиката, общества производителей стали, синдиката искусственных удобреній и даже членами европейскаго алюминіеваго картеля. Сплетеніе государственнаго сектора с сектором капиталистическим выражается также и в сильном развитіи полугосударственных смѣшанных обществ. В этом случаѣ государство

---

¹⁾ См. Н. Bente, *Organisierte Unwirtschaftlichkeit*. Jena. 1929.

принимает участие в капиталъ предприятия, берет себѣ часть чистой прибыли, контролирует дѣятельность свободнаго правленія через своих представителей в совѣтъ предприятия, облеченаго в частно-правовую форму акціонерной компаніи, и предоставляет смѣшанному обществу ряд налоговых привилегій.

О развитіи полугосударственных предприятий, в которых государство играет роль не только собственника, но и предпринимателя, свидѣтельствуют германскій экономист Карл Манн, Джон Кейнс и французскій экономист Реймон д-Аржила. В то время, как Манн объясняет развитіе смѣшанных обществ стремленіем государства обезпечить субсидіи и кредиты, предоставленные частным предприятиям, а также и нежеланіем директоров государственных предприятий подчиняться строгому контролю фиска, Кейнс и отчасти Шмаленбах видят главную причину в необходимости для государства подчинить своему непосредственному контролю тѣ крупныя предприятия, которыя принуждены картелироваться из-за чрезмѣрнаго развитія постоянного капитала. Во всяком случаѣ смѣшанныя общества, зародившіяся в началѣ двадцатаго столѣтія и разившіяся отчасти благодаря Штиннесу, сумѣвшему создать образцовое Рейнско-Вестфальское электрическое общество, получили за послѣдніе четыре года небывалое развитіе не только в Германіи, но и в других странах Средней Европы.

Долгое время в экономической литературѣ господствовало мнѣніе, что комерціализованное предприятие обязано своим развитіем частно-хозяйственной постановкѣ дѣла; в настоящее время экспансія смѣшанных обществ, принципиально допускающих банкротство, показала, что между публично-правовым и комерціализованным предприятием есть в сущности большое сходство, заключающееся в невозможности свободной ликвидации под давленіем рынка и в покрытіи дефицита путем налоговых поступлений. Поэтому развитіе государственных частно-правовых предприятий объясняется не столько рентабельностью, сколько внѣдреніем этатизма в капиталистическій сектор, который нерѣдко совершает для государственнаго сектора черную работу, разрушая своей экспансіей ремесленно-крестьянскій сектор народнаго хозяйства. Зато преимущественно

в романских странах государственный сектор непосредственно проникает в кооперативный, создавая смешанные государственно-кооперативные предприятия.

Разложение кооперации этатизмом приняло в северных департаментах Франции и в Бельгии столь крупные размеры, что французский экономист Лаверж пророчески о вращении капитализма в систему взаимодействующих полугосударственных кооперативов. Эта форма кооперации выражается в принудительном образовании крупных смешанных потребительских обществ. Государство дает значительный капитал, заботится об образовании запасных средств и получает лишь скромный процент на свои вложения, тогда как прибыль распределяется между членами кооперативного общества в зависимости от количества покупок. Предприятие ведется свободными кооператорами совершенно автономно и, не имея права сложить дефицит на государство, подвергается капиталистическому риску. Особое значение приобретает полугосударственная кооперация, когда государство является крупным потребителем, например, при электрификации с помощью водяной энергии.

Развитие промышленного этатизма во Франции и отчасти в Бельгии наталкивается на развитие синдикализма, который однако не останавливает, а лишь частично задерживает и видоизменяет наступательное движение государственного сектора. Относительная безвредность синдикализма для холодной социализации объясняется тем, что в настоящее время он развивается не в духе революционного синдикализма Сореля, устраивающего государство, но в духе синдикализма коллективистического по учению Жореса, заставляющего государство передавать профессиональным группам и коллективам управление государственными предприятиями, — что встречается сейчас изредка и в Германии, правда лишь в муниципально-коммунальном секторе. Относительно безвредным для этатизма является также и гильдейский социализм в духе английского экономиста Коля, рекомендующего коллективную собственность на средства производства в интересах производителей и государства, представляющего интересы потребителей. Эта система нашла свое выражение в организации французской государ-

ственной спичечной монополи и отчасти бельгийских государственных желѣзных дорог. При столкновении этатизма с синдикализмом государство, отказываясь не только от роли предпринимателя, но и руководителя предприятиями, довольствуется болѣе скромной ролью кредитора-капиталиста. Случаи же, когда государство выступает лишь в качестве руководителя предприятием, т.-е. не является его пайщиком, встрѣчаются очень рѣдко, да и то лишь в Германіи, как пережиток военного хозяйства, когда государство вмѣшивалось в принудительные частные синдикаты, обладая правом абсолютнаго вето и оставляя за собой большую часть прибыли.

В современной фазѣ капитализма промышленный этатизм проявляет большую агрессивность, не только пользуясь в своих интересах экспансіей капитализма за счет ремесленно-крестьянскаго сектора, но и непосредственно проникая в капиталистическій и кооперативный сектор народнаго хозяйства. При этом он охватывает почти всѣ отрасли хозяйства, хотя и носит в каждой данной странѣ нѣсколько индивидуальный характер. Так в Германіи можно говорить об индустриальном и банковском этатизмѣ; Эстонія характеризуется горнозаводским и индустриальным этатизмом; Латвія знает главным образом государственные банки; в Югославіи и Румыніи этатизм носит преимущественно торговый и горнозаводскій характер, в Польшѣ — индустриальный, и т. д.

Государственный сектор, или промышленный этатизм, не составляет в системѣ связаннаго капитализма всего государственнаго хозяйства. На ряду с ним развивается административный протекціонизм; да и финансовая политика государства настолько переплетена с общей экономической политикой и столь сильно служит цѣлям развитія производительных сил народнаго хозяйства, государственной конъюнктурной политикѣ и проведенію социальних реформ, что ея невозможно не считать частью регулятивнаго этатизма. Кроме того при выходѣ капитализма на правильные пути планирования составной частью регулятивнаго этатизма становятся также экономической парламент и социальнo-экономической баланс.

Таким образом государственное хозяйство переросло рам-

ки потребительского хозяйства и состоит в современной фазѣ капитализма из государственнаго сектора и из регулятивнаго этатизма, выражающагося в административном протекціонизмѣ, в финансовой политикѣ государства и в мѣрах подлиннаго планированія. Перейдем теперь к разсмотрѣнію структурных измѣненій в финансовой политикѣ капиталистическаго государства.

Мы раздѣляем точку зрѣнія извѣстнаго германскаго экономиста Карла Манна, что финансовое хозяйство в условіях связаннаго капитализма превратилось из простаго участія государства в народном доходѣ в систему государственнаго контроля. Эта «экономизированная» финансовая политика стала орудіем государственной экономической политики. Отбирая в свою пользу значительную часть соціального продукта, государство превращает себя и свои вспомогательные органы в крупнаго потребителя, производителя и работодателя. Для этого государству достаточно тѣх 20/30% народнаго дохода, которые оно прямо или косвенно берет в свою пользу. По нѣмецкой статистикѣ, каждый налогоплательщик Германіи в 1929 году должен был в теченіе 3-4 мѣсяцев работать на покрытие претензій государства.

Для опредѣленія структуры и величины финансоваго хозяйства сейчас уже недостаточно простаго разсмотрѣнія государственнаго бюджета, так как государство, в интересах государственнаго кредита и из-за боязни навлечь на себя недовольство обремененных налогоплательщиков, часто создает промежуточныя инстанціи, передавая им право взимать принудительные взносы. Нерѣдко и желаніе избѣжать парламентскаго контроля заставляет капиталистическое государство создавать особыя полуфискальныя учрежденія в видѣ германских принудительных цехов, церковных общин, сельских палат и проч. Эти фискальныя инстанціи, вставшія между государством и населеніем для скрытаго усиленія этатизма, были удачно охарактеризованы Манном как «вспомогательный фиск». ¹⁾ Путем скрытаго обложенія налогами государство нерѣдко утаивает

---

¹⁾ См. F. K. Mann, Die Staatswirtschaft unserer Zeit, Jena, 1930.

свою финансовую мощь от иностранцев или, наоборот, повышает в глазах иностранных капиталистов свою кредитоспособность, как это было во Франции в 1926 году при создании полуфиска в видѣ автономной амортизаціонной кассы, погашающей внутренній краткосрочный долг доходами от табачной монополии, наследственными пошлинами и другими принудительными взносами, выдѣленными из государственнаго бюджета.

Особый интерес пріобрѣтает вспомогательный фиск и в виду того, что он до извѣстной степени опирается на автономный социальный бюджет, составленный из принудительных социальных повинностей в пользу больных и безработных. Этот полуфиск составлял в 1929 году в Германіи 37% всех налоговых поступлений. Охватив значительную часть народнаго дохода и создав вспомогательный фиск, государство настолько обременило налогоплательщиков, что часто бывает вынуждено давать частным перекапитализованным предпріятіям субсидіи и гарантію кредита — что в свою очередь нерѣдко вынуждает государство, по фискальным соображеніям, превращать попавшія в финансовую зависимость предпріятія в смѣшанныя общества. Кроме того, располагая крупными доходами, современное капиталистическое государство контролирует народное хозяйство не только как получатель, но и как распределитель народных средств. Став своего рода контрольной системой, финансовая политика превратилась в государственную конъюнктурную политику, ставящую себѣ грандіозное задание стабилизировать конъюнктуру манипуляціей огромных средств. Сознаніе большой ответственности вынуждает государство и к таким мѣрам, как созданіе особой государственной комиссіи для распределенія государственных заказов, — что мы можем сейчас наблюдать хотя бы в Чехословакіи.

В отличіе от промышленнаго этатизма, заключающагося в расширеніи государственнаго сектора хозяйства, административный протекціонизм находит свое выраженіе в созданіи системы государственных субсидій частному хозяйству, в образованіи принудительных синдикатов, в системѣ вывозных премій и в государственном контролѣ внѣшней торговли. Оба направленія этатизма нерѣдко сталкиваются друг с другом, так

как капиталистический сектор старается отвлечь государственные средства от общественных предприятий в свои собственные предприятия, нуждающиеся в государственных субсидиях. Однако оба направления сливаются в бюджет, если это понятие распространить также и на счетоводство вспомогательного фиска.

Система государственных субсидий получила в странах средней и восточной Европы небывалое развитие. С половины 1931 года германское государство превратилось в опекуна и гаранта крупнейших предприятий, беря на себя их коммерческий риск; в Латвии и Эстонии субсидии сельскому хозяйству составляют большой процент государственного актива; в частности в 1930 году в Эстонии займы частных предприятий у государства достигли 8% всего актива. В Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии государство широко субсидирует промышленность и разделяет ее коммерческий риск. Развитие системы субсидий приводит к целому ряду сложных форм административного протекционизма, как система экспортных премий в Польше и Чехословакии, или создание принудительных синдикатов в Румынии.

Повсеместное стремление к самодовлеющему хозяйству и к активизации торгового баланса вынуждает капиталистическое государство переходить к системе государственного контроля над внешней торговлей и в частности к строжайшей регламентации купли и продажи валюты. Наибольшее вмешательство государства во внешнюю торговлю замечается в настоящее время в Эстонии, Латвии и Югославии. Так, например, в Эстонии государство запрещает покупать в этих странах, торговля с которыми носит пассивный характер; монополизирует в своих руках импорт табака и ржи; запрещает импортерам свободно расплачиваться со своими иностранными поставщиками; подчиняет весь внешнеторговый оборот валютному контролю со стороны государственного банка и широко контингентирован импорт, часто применяя систему натурального обмена. Развитие административного протекционизма настолько подчинило капиталистический сектор государству, что смягчение этатизма в странах средней и восточной Европы могло бы привести к кра-

ху крупнѣйшихъ предпріятій и к разстройству всей капиталистической системы.

В современной фазѣ капитализма наблюдается чрезвычайно сложное смѣшеніе капиталистическаго и этатическаго начала. Отсюда вытекает большая трудность при попыткѣ научно охарактеризовать современную фазу капитализма. При эволюціи хозяйственнаго строя образуется цѣлый ряд экономических явленій, отвѣтственность за которыя не хочет взять на себя государство и отказывается взять капиталистическій сектор. Поэтому не удивительно, если социалисты говорят о ростѣ капиталистической эксплуатаціи, а капиталисты жалуются на бюрократизацію хозяйства. Положеніе осложняется невѣрным анализом существующаго строя. Марксисты и совѣтскіе экономисты разсматривают современную фазу капитализма, как систему частно-хозяйственных монополій. Это опредѣленіе не выдерживает научной критики; вѣдь, связанный капитализм знает, кромѣ гетерогеніи частно-хозяйственных групп, еще и торжество этатическаго начала. Явно несостоятельным является также другое утвержденіе, что существующій строй представляет собой смѣшеніе частнаго капитализма с капитализмом государственным. Если бы эволюція капитализма состояла только в расширеніи государственнаго сектора, то и тогда нельзя было бы серьезно говорить о государственном капитализмѣ, так как промышленный этатизм еще не может обойтись без большого числа публично-правовых предпріятій. В дѣйствительности же перерожденіе капитализма ведет к небывалому развитію регулятивнаго этатизма, который по своему существу прямо противоположен всякому капиталистическому началу.

Мы полагаем, что эволюція капитализма в сторону связаннаго хозяйства заключается в постепенном отказѣ от экономической эксплуатаціи и в діалектическом сліяніи экономического либерализма с универсализмом. Чѣм болѣе связанный характер будет принимать капитализм, тѣм болѣе будет он напоминать принцип христіанскаго средневѣковья: жизнь, как іерархія союзностей, как *communitas communitatum*.

Б. Ижболдин.